

Время реального: парадигмы реализма в истории «современности»

Анатолий В. Корчинский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, korchinsky@mail.ru*

Аннотация. В разное время на протяжении XIX–XXI вв. важнейшим императивом «современности» становится реализм. Реальное, подобно призраку, то и дело возвращается в разных концептуальных обликах и под разными именами. Реальность/действительность становится не только предметом размышлений, но и – принципом, критерием, ценностью, ключевым аргументом. Отсюда полемическое варьирование понятия: «реальнейшее» против «реального», «реальное» искусство против «реализма», «реальное» против «реальности» и т. д.

Сегодня в философии, политической мысли, этике и эстетике мы снова наблюдаем напряженную рефлексию о реальном. Но этой рефлексии часто не хватает историзма. При этом работа с реальным в оптике интеллектуальной истории представляется крайне проблематичной, выявляя риски самого этого подхода. Задача доклада – поставить ряд неочевидных, на взгляд автора, вопросов в интегральной исторической перспективе. Что перед нами – понятие (семантическое поле) или идейный комплекс? Говоря о реализмах XIX, XX и XXI вв., говорим ли мы о развитии одной и той же парадигмы? В чем заключается идентичность/гомологичность поисков реальности в различных областях мысли и художественной практики? Существует ли принцип, позволяющий построить типологию исторических форм мышления о реальном? Какую роль играет исследовательская дистанция в рефлексии этих форм, ведь часто один реализм выступает в качестве теории по отношению к другому? Можно ли, объявив модерн «временем реального», построить периодизацию реалистических формаций «современности»? Какую роль в судьбе реализма играют разрывы исторической традиции и реинтерпретация предшествующего наследия?

Ключевые слова: реальное, реальность, действительность, реализм, история понятий, история идей, модерн, темпоральность

Для цитирования: Корчинский А.В. Время реального: парадигмы реализма в истории «современности» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 1, ч. 2. С. 162–177. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-1-162-177

The time of the real: paradigms of realism in the history of “Modernity”

Anatoly V. Korchinsky

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
korchinsky@mail.ru*

Abstract. At various times throughout the nineteenth and twentieth centuries, realism became the most important imperative of “modernity”. The real, like a ghost, keeps coming back in different conceptual guises and under different names. Reality/actuality became not only the subject of reflection but also a principle, a criterion, a value, a key argument. Hence the polemical variation of the concept: “most realistic” versus “realistic”, “real” art versus “realism”, “real” versus “reality”, etc.

Today in philosophy, political thought, ethics, and aesthetics we again observe a tense reflection on the real. But this reflection often lacks historicism. And working with the real through the optics of intellectual history is highly problematic, exposing the risks of this approach itself. The task of the paper is to raise a number of questions, not obvious in the author’s view, from an integral historical perspective. What are we facing – a concept (semantic field) or an ideological complex? When we talk about the realisms of the nineteenth, twentieth and twenty-first centuries, are we talking about the development of the same paradigm? What is the identity/homology of the search for reality in different fields of thought and artistic practice? Is there a principle that allows us to construct a typology of historical forms of thinking about reality? What role does research distance play in the reflection of these forms, since often one realism acts as a theory in relation to another? Is it possible to construct a periodization of realist formations of “modernity” by declaring modernity an “age of the real”? What role in the fate of realism is played by the ruptures of historical tradition and the reinterpretation of previous legacies?

Keywords: real, reality, realism, history of concepts, history of ideas, modernity, temporality

For citation: Korchinsky, A.V. (2022), “The time of the real: paradigms of realism in the history of ‘Modernity’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, part 2, pp. 162–177, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-1-162-177

Ниже мне бы хотелось обратить внимание на специфическую темпоральность, которую можно наблюдать в истории развития некоторого комплекса идей, понятий и интуиций, связанных с философско-эстетическими концептуализациями того, что в евро-

пейской и русской мысли на протяжении XIX–XX вв. именовалось «реальным», «реальностью» или «действительностью» (я намеренно избегаю разграничения между этими терминами, которые по-разному интерпретируются различными авторами в контексте каждой из эпох современной истории).

Но сперва – несколько необходимых оговорок.

Во-первых, я буду говорить, конечно, не обо всех подходах к реальному, а лишь о некоторых тенденциях и только о тех, которые так или иначе связаны с теорией литературы и эстетикой. В силу этих причин из моего внимания выпадает целый ряд важнейших традиций и школ, например, аналитическая философия и модальная логика, а также феноменология, хотя, наверное, с какой-то точки зрения без них в подобном разговоре обойтись нельзя. Однако моя цель – не максимальный охват концепций, а скорее попытка предложить некоторую оптику, которая при рассмотрении реализма (реализмов) позволила бы парадоксальным образом дистанцироваться от реалистического взгляда, закрыть глаза на то, *как на самом деле*, т. е., прежде всего, воздержаться от суждения о том, является ли на самом деле реализмом классический реализм, критический реализм, социалистический реализм и т. д.; хороши ли в этом отношении марксистский метод, формализм, психоанализ, спекулятивный реализм и т. п. В меру сил я буду придерживаться принципов интеллектуальной истории, которая, насколько это возможно, позволяет говорить о тех или иных концепциях, вынося за скобки вопрос об их истинности и релевантности.

Но и в связи с этим тоже нужна оговорка: я попытаюсь двигать-ся не столько в русле какого-то направления интеллектуальной истории, а как бы между ними, в частности между историей понятий, привязанной к формам лингвистической фиксации мыслительных конструкций, и историей идей, стремящейся, наоборот, к обнаружению, скажем так, свободного хождения идей среди различных способов их репрезентации.

Отправной точкой для предлагаемой реконструкции станут две вещи, маркирующие как бы начало и конец исторического периода, о котором пойдет речь.

Если начать с конца, то это сегодняшняя интеллектуальная ситуация, когда мы наблюдаем массированное возвращение дискуссии о реализме в философии, искусстве и гуманитарных науках, где состязаются разные подходы: как минимум, это уже названные мной марксизм, лаканианская философия, спекулятивный реализм и, пожалуй, неоформализм в теории литературы и эстетике.

Вторая предпосылка моих наблюдений – это довольно распространенный, условно фукольдианский, тезис о том, что сама дис-

куссия о реальном связана с истоком, с началом модерна, современной культуры. Она заключается в том, что то ли модерн начинается с заботы о реальности, то ли сама эта забота является следствием перехода к модерности. Так или иначе, речь идет об эпохе конца XVIII – начала XIX в., откуда все начинается. Тут я сошлюсь на немецкоязычные исследования, на так называемую литературную эпистемологию или поэтологию знания, например, на сборник под редакцией Йозефа Фогля, Вероники Таннер и Доротеи Вальзер, который называется «Действительность реализма» и где авторы-составители говорят об изначальной и неустранимой проблематичности вопроса о реальном в культуре модерна [Die Wirklichkeit des Realismus 2018, pp. 9–16]. Причем, что самое важное, реализм как тенденция мысли и способ письма состоит не в решении, а именно в проблематизации этого вопроса.

Здесь возникает другой вопрос: сохраняется ли эта конфигурация по сей день, находимся ли мы внутри этой очарованности реальным и в то же время потребности в его принципиальной сущностной неопределенности? Моя версия ответа: и да и нет. С одной стороны, да, сохраняется обеспокоенность реальным, страстный поиск реального, с другой стороны, появились новые способы работы с его неопределенностью (например, в этой статье я пытаюсь найти способ говорить о неопределенности самой этой категории), а сама эта неопределенность становится методическим принципом современного понимания реального.

В связи с этим можно выделить первую особенность рефлексии о реальном в историческом континууме XIX–XX вв. И это будет мой первый тезис.

С одной стороны, имеет место череда разрывов между различными парадигмами эстетической и философской мысли, когда каждая следующая формация в искусстве или теории подвергает сомнению реалистическую установку предыдущей. С другой стороны, последующая рефлексия выявляет в составе новой – условно – антиреалистической парадигмы некоторый новый принцип понимания реального, который заставляет вновь обратиться к понятиям реалистического ряда.

Например, в этом отношении очень показательна история эстетической мысли русского символизма. Если старшие символисты в России начинают с резкого отрицания того, что они ассоциируют с реалистическим письмом и в целом – с эпистемологией и риторикой классического реализма XIX в., то уже на следующем этапе молодые авторы, например Блок, реабилитируют для себя, скажем, поэтические принципы «некрасовской школы», а Вячеслав Иванов в статье «Две стихии в современном символизме» и вовсе

атакует «идеалистический символизм» с опорой на *новый реализм*. Разумеется, речь идет не о возврате к классической реалистической эстетике и реалистическому пониманию действительности, а, напротив, к чему-то совершенно противоположному, что отчетливо фиксируется в знаменитой формуле *a realibus ad realiora*¹. Иванов, обыгрывая известную двусмысленность термина и отсылая одновременно к реализму современному и реализму средневековому, который он называет мистическим, утверждает, что реалистический символизм не есть простое созерцание некой истинной, эйдетической действительности, а именно действие, движение, теургия. В этом и состоит смысл жеста – от реального к реальнейшему. Но также в этой идее действия улавливается и внутренняя форма понятия «действительность», хорошо известная теоретикам реализма XIX в., находившимся, как известно, под большим влиянием Гегеля. В то же время Иванов говорит о «ремесленниках» религиозного искусства в Древнем мире и строителях готических храмов как о предшественниках новейшего религиозного реализма. И здесь уже слышатся будущие декларации акмеистов, которые, в свою очередь, будут упрекать символизм в отходе от предметности материального мира.

Аналогично и вторая волна авангарда определяет свой метод как новый реализм или реальное искусство. Достаточно вспомнить манифесты Малевича или – чуть более поздние – декларации ОБЭРИУтов. Здесь интересно, что и те и другие отстраиваются не только от традиционного реализма, но и от футуристической живописи и поэзии.

Малевич пишет: «Реалисты же, перенося на холст живые вещи, лишают их жизни движения. И наши академии не живописные, а мертвописные»². Футуризм, по его мнению, сделал шаг к реальным вещам, но не достиг цели. Супрематизм же, переходя к полной беспредметности, дает родиться новым реальным формам. Формы выходят из «живописных масс» и «такие формы не будут повторением живущих вещей в жизни, а будут сами Живой вещью»³. В свою очередь, ОБЭРИУты и «чинари» – Хармс, Введенский, Липавский, Друскин – идут дальше футуристической зауми и «слова как такового», обещая прорыв к самим вещам (вернее – к бессмысленному и бескачественному бытию) по ту сторону разума и языка.

Интересно также то, как эти проекты реального искусства комментируют художники более позднего времени, наследующие

¹ Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 156.

² Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. М.: Гилея, 1995. Т. 1. С. 48.

³ Там же. С. 49.

историческому авангарду. Всеволод Некрасов, расшифровывая название «Объединения реального искусства» Хармса и Введенского, подчеркивает, что имелось в виду не реалистическое искусство, изображающее жизнь, т. е. искусство репрезентативное, а именно реальное искусство, стремящееся выявить единственную реальность, которая имеет место в художественной деятельности, а именно – сам контакт, само чувственное взаимодействие поэта и читателя, художника и публики⁴. Художник Анатолий Осмоловский комментирует суть «Черного квадрата» Малевича: «Картина подписана “Черный квадрат”, но вы и видите черный квадрат, следовательно, это предельно реалистичная картина, которая равна своему названию. Оно обозначает то, что вы видите» [Осмоловский 2020, с. 13]. Тут, конечно, очевидна ирония по поводу авангардного жеста, приписываемого Малевичу, который будто бы пародирует саму ситуацию реалистического творческого акта. Но важнее само смещение от проблемы соответствия между изображением и изображаемым – к работе художника со зрительским восприятием и осмыслению статуса самой художественной коммуникации, что характерно уже для позднейших разновидностей авангардной традиции, например для концептуализма и акционизма, во многих случаях ставящих вопрос о социальной и политической природе и потенциях искусства как институции. То есть вопрос уже не об изображаемой реальности или свойствах изображения, а о реальности самого искусства.

Показательно, что в обоих описанных случаях имеет место не только отталкивание более новых поколений от предшественников в вопросе о реальном и не только преемственность между ними, но и переписывание традиции, переоформление самого этого вопроса.

Собственно, в этом состоит мой второй тезис: в истории современной культуры происходит постоянное ретроактивное переприсвоение реалистического дискурса, что, разумеется, не свидетельствует о том, что перед нами какое-то поступательное развитие одной и той же концептуальной конструкции, поскольку меняется не только определение, но и сама топика проблемы реального – оно размещается в разных регионах опыта и связывается с разными его составляющими. Однако мне кажется очень симптоматичным само навязчивое возвращение этой темы и использование одной и той же обоймы понятий, в которой постоянно меняются опорные концепты и перестраиваются смысловые связи (от «действительности» и «реального» – к «реальнейшему», от «реальности» – к «реальному»

⁴ Некрасов Вс. Как это было (и есть) с Концептуализмом // Литературная газета. 1990. № 31. Август. С. 8.

и т. д.). Создается не сказать что всегда диалектическая, но как бы прерывно-континуальная темпоральность исторического бытования идеи.

Далее я попытаюсь выдвинуть некоторую гипотезу, почему это так, а сейчас вернусь к переписыванию реального. Одним из проявлений или следствий этой тенденции, на мой взгляд, является то, что в некоторых случаях реалистическая теория становится теорией для реализмов прошлого и, как правило, она стремится стать теорией реального и теорией реализма вообще.

Русский формализм – отчасти в связи с авангардным переопределением реального – не просто смещает акцент с содержания искусства и искусства как мышления и познания – на ощутимость формы, но и определяет этот сдвиг к формальным и медиальным аспектам как искомое реальное искусства, а также опрокидывает эту новую теорию реального на предшествующие литературные формации.

Роман Jakobson в известной статье 1921 г. «О художественном реализме» проводит кодификацию современных ему значений термина «реализм». Игорь П. Смирнов и Иоганна-Рената Дёринг в свое время заметили, что номенклатура Jakobsona схватывает крайнюю омонимичность этого понятия [Смирнов, Дёринг 1980, с. 1]. И действительно, Jakobson акцентирует внимание на разрыве между прежними и новыми трактовками термина реализм. При этом он замечает, что фактически каждое направление в искусстве в последние сто лет норовит объявить себя новым или каким-то «другим» реализмом – будь то натурализм, символизм, футуризм, экспрессионизм и т. д. А кроме того, в своей статье Jakobson наряду с двумя тривиальными и одним специальным значением термина, описывающим реализм как одно из направлений в искусстве XIX в., выдвигает два совершенно новых теоретических смысла понятия «реализм». При этом первый из них представляет собой новое теоретическое объяснение того, как работает реализм XIX в. Напомню, что с этой точки зрения реалистическое повествование строится на акцентировании несущественных признаков, деталей, часто выступающих метонимией или синекдохой по отношению к целостной характеристике персонажа или события. А второе предлагаемое Jakobsonом значение термина «реализм» – это, собственно, не что иное, как известные нам по работам формалистов затрудненность формы, деформация, деавтоматизация и остранение. В данном случае это называется «требование последовательной мотивировки, реализации поэтических приемов»⁵. Но ведь

⁵ Jakobson P. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 392.

именно эти свойства произведения или поэтического языка, как мы помним, суть не что иное, как универсальная формула искусства вообще, а в особенности – искусства авангарда, т. е. Якобсон не просто находит новое формально-конструктивное обоснование для реалистической классики, как бы интегрируя ее в теорию формальной школы (вспомним, что это делали и другие формалисты, например, Шкловский и Эйхенбаум на материале текстов Гоголя или Толстого), но он выдвигает интегральную и инклюзивную теорию реализма как такового – реализма как ключевой тенденции в искусстве, а не только реализма XIX в.

В этом смысле, мне кажется, можно говорить не только о многообразии истолкований реализма и омонимии термина, но и о полисемии в рамках одного понятия и даже о возможности некоего «зонтичного» значения.

В этой связи любопытно вспомнить замечание Сергея Зенкина о том, что советское литературоведение охотно распространяло понятие реализма, проецируя его даже в очень далекое прошлое, как, например, в названии известной книги Леонида Пинского «Реализм эпохи Возрождения» [Зенкин 2012, с. 392]. Однако мне кажется, что это было не только следствием институционально-идеологического устройства советской науки о литературе, которая сделала XIX век привилегированным объектом исследований. Думается, это подразумевалось и самой теоретической логикой марксистской эстетики. Например, Лукач и Лифшиц претендовали на универсальную теорию искусства, которая бы переформатировала эстетику классического реализма XIX в., а также создала бы интегральное понятие реальности применительно к искусству вообще. Важнейший мотив, который марксистская «теория отражения» привносит в реалистическую концепцию реального, это представление о сознании автора как о сознании, захваченном идеологией и лишь путем гениального прозрения, вопреки самому себе, схватывающего действительность как систему глубинных противоречий буржуазного общества. Будучи разработана на примере классических реалистов XIX в., впоследствии эта новая теория «критического» или – в соответствии с более ранними гегельянскими взглядами Лукача – «трагического» реализма успешно транспонировалась на Гёте, авторов эпохи классицизма, Шекспира и т. д.

А теперь я приведу два примера из другой области, но иллюстрирующие примерно ту же тенденцию к ретроактивной пересборке концептуального ряда, связанного с модерными реализмами.

Одна из наиболее влиятельных реалистических теорий во второй половине XX в., которая в том числе интенсивно апроприируется эстетической мыслью, это теория Жака Лакана. Нередко среди ее

сторонников можно наблюдать тягу к гипостазированию тех специфических значений, которые Лакан придал терминам «реальность» и «реальное» и которые предписывается ни в коем случае не смешивать, потому что они образуют оппозицию. Я не буду объяснять суть этой оппозиции, скажу лишь о том, как под ее воздействием может меняться представление о реализме в искусстве.

Возьму в качестве примера концепцию реализма немецко-американской исследовательницы Элизабет Штровик, которая в своих работах хоть и изучает классических немецких авторов XIX в., мыслит реализм в некотором смысле в духе Фуко – как большую эпистему модерна, берущую начало во времена Гёте и охватывающую как минимум XIX век, но, судя по всему, простирающуюся и далее: «Призраки реализма – это призраки модерна... Модерн сам по себе есть гетерохронный призрачный эффект, обнаруживаемый задним числом и по-прежнему актуальный» [Strowick 2019, p. 306].

Понятие реальности в рамках этой эпистемы подразумевает не просто независимое существование объектов, а то, что они предстают как реальные только в пространстве их восприятия субъектом, т. е. реальность – это наши представления о ней, данные в воображаемой и символической форме. В соответствии с лакановской триадой здесь неизбежно должно появиться и реальное, которое представляет собой нечто жуткое и непредставимое, но в пределах этой привычной реальности заявляет о себе как пугающий навязчивый призрак (для Штровик важно, что термином *Augengespenster* Гёте обозначал те визуальные впечатления, которые возникают в глазу в ответ на внешние световые раздражители, т. е. это что-то одновременно совершенно привычное для нашей замкнутой воображаемо-символической реальности и одновременно то, что указывает на присутствие внешнего – реального). Анализ литературных текстов в этом свете выглядит как поиск разного рода указаний на сбои привычной системы восприятия – разного рода тавтологии, нестыковки в системе фокализации, металепсисы и т. д. – всевозможные «эффекты реального», которых, согласно Штровик, существует великое множество и которые, вопреки Барту, являются не просто референциальными иллюзиями, насаждающими представления о реальном как некоторую идеологию, а именно фантазмами или призраками реального в лакановском смысле.

Таким образом, классическая концепция реализма как мимесиса, отражения или правдоподобного изображения действительности вовсе не отрицается. Здесь можно вспомнить идею Лидии Гинзбург, что реализм предполагает не просто безличное воспроизведение некоторой реальности, а в принципе всегда подразумевает, что эта

реальность воспринимается некоторым исторически конкретным субъектом даже в том случае, когда взгляд и голос в произведении никому не принадлежат⁶. Но в режиме мимесиса, согласно лаканианскому анализу, может быть дана только поверхностная реальность, реализм реального стремится к обнаружению более глубоких и скрытых слоев опыта, дающих о себе знать лишь в разломах воображаемо-символического порядка реальности.

Мой последний пример глобального переписывания реалистической логики прошлого будет очень коротким – просто в силу того, что анализ столь обширного и разнообразного направления мысли требует специальных усилий. Я имею в виду спекулятивный реализм, который в нескольких своих версиях (Г. Харман, Т. Гарсиа, Т. Мортон и др.) все более настойчиво ставит на повестку дня создание собственной эстетики, обещающей непрямой, «аллюзивный» доступ к действительности объектов, которые, впрочем, всегда остаются сокрытыми от любого схватывания [Харман 2019, pp. 350–364].

Отчасти ход к реальному в спекулятивном реализме напоминает лаканианский (а в некоторых случаях, например в случае Квентина Мейясу, наиболее отчетливо сформулировавшего критическую программу этого внутренне гетерогенного течения в философии, мысль этих новых реалистов опосредованно восходит к Лакану, например через Бадью). С одной стороны, имеется реальность человеческого жизненного мира, т. е. то, что находится исключительно внутри *корреляции* между бытием и воспринимающим его сознанием. С другой стороны, этим специфически человеческим опытом постижения дело не ограничивается. По ту сторону реальности как корреляции, а вернее – рядом с ней, вокруг нее и даже внутри нее присутствует огромный мир объектов, которые выпали из опыта по причине его крайней ограниченности и замкнутости на себе. Эти объекты, как уже сказано, скрыты, но они могут являться в мир корреляции, и моменты такого явления, как правило, сопряжены с ужасом. Поэтому многие спекулятивные реалисты очень любят анализировать тексты Г.Ф. Лавкрафта и его последователей (Т. Лиготти, Ч. Мьевиля и др.), поскольку те описывают образцовую ситуацию вторжения в наш мир «великого внешнего».

Как уже говорилось, отчасти это напоминает вторжение реального, по Лакану, однако тут имеется и существенная разница. Лакановский реализм принципиально антропоцентричен и построен на жесткой привязке реального к опыту субъекта, пусть и расколотого,

⁶ Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности: Статьи. Заметки. Эссе. Л.: Советский писатель, 1987. С. 21.

а также практически недоступного для самопонимания. Но реальное у Лакана всегда связано с травмой, которая не вмещается в опыт, реальное же вне этих, по сути, внутрисубъектных отношений (например, «природа», не представленная в математизированном дискурсе науки [Зупанчич 2018, с. 14–36]) – по большому счету, иррелевантно. Напротив, именно такое реальное интересно спекулятивным реалистам. Оно свободно от коррелятивной привязки к субъекту. Иначе говоря, лакановское реальное в принципе является частью того, что Мейясу назвал корреляционизмом, – но как своего рода негативная корреляция.

С таким понятием реального, на мой взгляд, как раз и связана глобальная претензия спекулятивного реализма на пересмотр реализмов прошлого, в том числе в искусстве. В принципе здесь видно, что какие бы глубинные слои действительности ни вскрывал, например реализм XIX в., он остается в рамках корреляционной эпистемы. В этой логике было бы интересно пересмотреть модель Элизабет Штровик, сосредоточившись не на призрачных интервенциях реального в привычную реальность, а на сложном устройстве корреляции в художественном опыте. Такие исследования пока, насколько я знаю, не ведутся, но, полагаю, их можно ожидать в ближайшем будущем.

Наверное, я привел недостаточное количество примеров, но я надеюсь, уже этот скудный набор кейсов дает понять, что при всем многообразии реализмов можно наблюдать постоянную напряженную работу по переустройству этого гетерогенного, полиморфного поля. Метафору поля я использую, чтобы подчеркнуть, что строгой поступательности в этом идейном развитии нет и те или иные концепции из прошлого могут возвращаться, актуализироваться и вступать в спор с современными. Например, некоторые современные марксисты, развивая в новом контексте идеи Лукача и Лифшица, противопоставляют их новейшим онтологиям реального⁷. Или же, напротив, некоторые неоавангардные теории могут удачно сочетаться с «объектно ориентированными» подходами и пикироваться с марксистской «теорией отражения»⁸.

Итак, в изменчивом и нелинейном пространстве мышления о реальном имеется если не инвариантная схема, то по крайней

⁷ Чухров К. «Почему классическое искусство – это подвиг?»: Анонс лекции // GARAGE. 17.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/eiLke> (дата обращения 24.12.2021).

⁸ Транслит: Литературно-теоретический журнал. 2017. № 19 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trans-lit.info/vypuski/19-translit> (дата обращения 24.12.2021).

мере известный лейтмотив мысли, который позволяет различным концепциям сближаться и расходиться, постоянно варьировать аксиологические аспекты реализма (а надо сказать, для тех, кто выдвигает ту или иную программу постижения реального, сама реалистическая установка представляется не только истиной, но и ценностью; к этому я еще вернусь в самом конце).

Мой основной тезис на самом деле достаточно прост и в общем хорошо известен. На мой взгляд, все обсуждаемые теории реального вращаются вокруг представления о том, что *реальное есть то, что сопротивляется* его схватыванию, то, что «дает отпор» (Б. Латур), ускользает и убегает, противится удержанию и установлению над ним контроля, обладает собственной интенсивностью, как бы своей, автономной от субъекта жизнью. Эта реальность может быть и материальной, и идеальной; и имманентной, и трансцендентной; и естественной, и искусственной; и актуальной, и потенциальной. Это и «жизнь» классического реализма; это и «ощутимость» поэтического языка у формалистов; это и скрытая противоречивость общественного бытия у марксистов; это и реальное как невозможное у Лакана; это и самозаконные объекты, среды и материалы, недоступные, как полагают новейшие реалисты, для схватывания в рамках современной реалистической эпистемы.

Наличие этого идейного лейтмотива позволяет значительно диверсифицировать концептуальный ландшафт реализма. Он варьируется, например, за счет различных префиксов – неореализм, сюрреализм, метареализм, некрореализм и т. п., а также за счет присоединения эпитетов – фантастический, магический, психоделический и т. д. реализм⁹. И здесь мы видим важную тенденцию: имеет место не просто варьирование, но и определенная поляризация, приводящая к амбивалентности некоторых понятий этого ряда. Причем отдельные из реалистических понятий выстраиваются в соответствии с той дихотомией, которую ввел Райнхарт Козеллек применительно ко всем понятиям, существующим в историческом режиме модерна, распределяясь между «пространством опыта» и «горизонтом ожиданий». Например, можно заметить, что сам эпитет «реальный» в одну и ту же эпоху может означать нечто связанное со сложившимся положением дел и нечто устремленное в будущее: например, консервативная немецкая «реальная политика (Realpolitik)» и прогрессивная русская «реальная критика» в 1850–1860-е гг.

⁹ На префиксацию как базовый культурный механизм указывал С. Зенкин [Зенкин 2012, с. 141–143], на расширение понятий с помощью эпитетов – А. Бикбов [Бикбов 2014, с. 16].

Здесь не место углубляться в этот интересный сюжет из истории понятий, укажу лишь на одну терминологическую пару, составляющие которой своеобразно размещаются и поляризуются в очерченном смысловом поле. Это термины «социалистический реализм» и «капиталистический реализм».

В новейших дискуссиях о соцреализме это понятие, в течение нескольких десятилетий слывшее синонимом полной дереализации искусства, неожиданно интерпретируется как положительный реалистический проект. Актуализируется первоначальное представление о том, что соцреализм – это реализм будущего, переживающего становление. Некоторые художественные критики¹⁰ даже переносят черты соцреализма на реализм вообще, считая, что реалистическая репрезентация по определению включает в себя поиск идеала и является по существу отрицанием данного (здесь соцреализм почти перестает отличаться от так называемого критического реализма). Предполагаю, что подобная интерпретация становится возможной в силу изначальной двойственности представлений о действительности, которая восходит к философии Гегеля, оказавшего решительное влияние на формирование ранних теорий реализма [Плотников 2009, с. 191–210; Школьников 2020, с. 68–97]. Первый аспект связан с самоотчуждением и самоотрицанием Духа в современном мире и современном – романтическом, по Гегелю, – искусстве. Это негативность, продвигающая вперед. Но есть и второе – аффирмативное – начало, связанное с утверждением идеала и установления действительности Духа, обретающего самотождественность. Эти два тренда, по-видимому, сочетаются во всяком реализме, но в соцреализме они превращаются в острый, возможно, неразрешимый парадокс.

И последний пример. Мы уже говорили, что один реализм обычно борется с другим, подвергая сомнению его реализм как недостаточно реалистический. Но в некоторых случаях верно и обратное: новый реализм позволяет не просто выявить слабость и иллюзорность старого, но и поставить под вопрос реализм вообще.

Марк Фишер, который в одноименной книге придает весьма расширительное и крайне злоеющее значение ранее вполне безобидному ироничному термину «капиталистический реализм», введенному художниками Зигмаром Польке и Герхардом Рихтером в начале 1960-х гг. в качестве пародии на соцреализм, вполне в духе

¹⁰ *Алешин Я.* Реализм как практика: Доклад на конференции «Реализм и производство художественного» // Лаборатория художественной критики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Fhm5OxZ8NHM> (дата обращения 24.12.2021).

описанной нами тенденции говорит, что по сути капиталистический реализм является не разновидностью реализма, а реализмом как таковым, потому что тотальность капиталистического мира принуждает нас к прагматике и, так сказать, дурному материализму, что ведет к отказу от любых идеалов. Но реальность капитализма (и, по всей видимости, модерна в целом) – это реальность симуляции, реализм «матрицы», не позволяющий различить реальное и нереальное. Вырваться из ловушки нельзя, если делать ставку на реальность, помочь может только последовательная «подозрительность по отношению к любой реальности, которая выдает себя за нечто натуральное» [Фишер 2010, с. 10].

Поэтому необходимо обратиться к невозможному, к непредставимой, травматической пустоте, обнажить в капитализме его реальное (опять-таки в лакановском смысле) – например, реальное экологической угрозы, которую капитализм обыгрывает и охотно включает в свою маркетинговую стратегию как симулякр надвигающейся катастрофы, «одомашнивая» собственную смерть. Фантазматическое реальное, вторгаясь в воображаемо-символический порядок, кажущийся естественным, способно осуществить радикальный подрыв его оснований.

И вновь мы видим реализм, оспаривающий другой реализм (на сей раз в качестве реализма вообще), не отказываясь от самого *принципа реальности*, что бы под последним ни понималось.

Этот пример приводит меня к заключительному вопросу (не к ответу): если современность постоянно обращает нас к необходимости опираться на какую-то реалистическую гипотезу и в то же время беспрестанно сомневаться в реалистической установке как таковой, возможно ли исторически и критически думать о самой идее реальности/реального? И возможна ли в этом смысле критика современности как критика реализма? История идей и понятий позволяет нам несколько отстраниться, релятивизировать наши категории и базовые положения, подумать об идеологической подоплеке тех или иных представлений, но не гарантирует надежного знания, так как не обеспечивает метапозиции по отношению к современности.

Литература

- Бикбов 2014 – Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издат. дом ВШЭ, 2014. 432 с.
- Зенкин 2012 – Зенкин С. Работы о теории. М.: НЛО, 2012. 552 с.
- Зупанчич 2018 – Зупанчич А. Реализм в психоанализе // Лаканалия. 2018. № 28. С. 14–36.

- Осмоловский 2020 – Осмоловский А. Сокращение дистанции как приближение к реальному // Термит: Бюллетень художественной критики. 2020. № 3. С. 13–22.
- Плотников 2009 – Плотников Н. «Все действительное разумно»: Дискурс персональности в русской интеллектуальной истории // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник. № 8. М.: Модест Колеров, 2009. С. 191–210.
- Смирнов, Дёринг 1980 – Смирнов И.П., Дёринг И.-Р. Реализм: диахронический подход // Russian Literature. 1980. Vol. 8. С. 1–39.
- Фишер 2010 – Фишер М. Капиталистический реализм. М.: УльтраКультура 2.0, 2010. 144 с.
- Харман 2019 – Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ классик, 2019. 390 с.
- Школьников 2020 – Школьников В. Белинский и «конец искусства»: «Эстетика» Гегеля и становление русского реализма // Русский реализм XIX века: Общество, знание, повествование. М.: НЛЮ, 2020. С. 68–97.
- Strowick 2019 – Strowick E. Gespenster des Realismus. Zur literarischen Wahrnehmung von Wirklichkeit. Paderborn: Wilhelm Fink, 2019. 354 S.
- Die Wirklichkeit des Realismus 2018 – Die Wirklichkeit des Realismus / Hg. von V. Thanner, J. Vogl, D. Walzer. Paderborn: Wilhelm Fink, 2018. 296 S.

References

- Bikbov, A. (2014), *Grammatika poryadka. Istoricheskaya sotsiologiya ponyatiy, kotoryye menyayut nash-ch real'nost'* [The grammar of order. A historical sociology of concepts that change our reality], HSE, Moscow, Russia.
- Fisher, M. (2010), *Kapitalisticheskiy realizm* [Capitalist realism], UltraKultura 2.0, Moscow, Russia.
- Kharman, G. (2019), *Spekulyativnyy realizm: vvedeniye* [Speculative realism: an introduction], RIPOЛ Klassik, Moscow, Russia.
- Osmolovskii, A. (2020), “Reducing distance as approaching the real”, *Termit. Byulleten' khudozhestvennoy kritiki*, no. 3, pp. 13–22.
- Plotnikov, N. (2009), “All real is reasonable. The discourse of personality in Russian intellectual history”, *Issledovaniya po istorii russkoy mysli: Ezhegodnik, № 8* [Studies on the history of Russian thought: yearbook, no. 8], Modest Kolerov, Moscow, pp. 191–210.
- Shkol'nikov, V. (2020), “Belinsky and the ‘end of art’. Hegel’s ‘Aesthetics’ and the Formation of Russian Realism”, in *Russkiy realizm XIX veka. Obshchestvo, znaniye, povestvovaniye* [Russian realism of the 19th century. Society, knowledge, narrative], New Literary Observer, Moscow, Russia, pp. 68–97.
- Smirnov, I.P. and Dering, I.-R. (1980), “Realism: a diachronic approach”, *Russian Literature*, vol. 8, pp. 1–39.
- Strowick, E. (2019), *Gespenster des Realismus. Zur literarischen Wahrnehmung von Wirklichkeit*, Wilhelm Fink, Paderborn, Germany.

- Thanner, V., Vogl, J. and Walzer, D. (ed.) (2018), *Die Wirklichkeit des Realismus*, Wilhelm Fink, Paderborn, Germany.
- Zenkin, S. (2012), *Raboty o teorii* [Works on theory], New Literary Observer, Moscow, Russia.
- Zupanchich, A. (2018), “Realism in psychoanalysis”, *Lacanalija*, no. 28, pp. 14–36.

Информация об авторе

Анатолий В. Корчинский, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; korchinsky@mail.ru

Information about the author

Anatoly V. Korchinsky, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; korchinsky@mail.ru